

Голос за

ЛИЦО НЕДЕЛИ

ТВ Парк. - 1997 -
24 ноябр. - с.
10-12.Юрий
Саранцев

**«С тех пор мы с Верой вместе.
Если иногда ругаемся, она говорит,
что я на прописку польстился.
А я Сталиным прикрываюсь».**

— Юрий Дмитриевич, обычно вы избегаете интервью, и поэтому зрителям о вашей личной жизни известно очень мало.

Да и о творческой биографии тоже...

— Трудно сегодня говорить о том творчестве, ради которого я когда-то заканчивал институт. Сейчас ведь картины почти не снимаются. Последний мой фильм — это «Ермак». Режиссеры — Усков и Краснопольский, те самые, которые «Вечный зов» сделали. Премьера прокатной версии картины уже была, а телевизионный пятисерийный фильм вот-вот должны показать. Я играю там вогульского князя Юмшана. Ношу шикарный костюм и то-о-енькую косичку...

— Но если о сегодняшнем кино, которого почти нет, говорить трудно, может, действительно вернуться к началу?! И так, однажды вы решили поступить во ВГИК...

— Я не буду оригинален, если скажу, что никогда и не думал об этом. Я приехал в Москву с Дальнего Востока. Отец был военным. Из Саратовской области, где я родился, меня в пять лет увезли в Самару, потом на Дальний Восток, там заканчивал десятый класс, там и войну пережил. Был у нас Дом пионеров с традиционным театральным кружком, я немножко поигрывал. Но всерьез занимался в основном физкультурой. Спортивным мужиком был. И в Москве хотел поступить именно в физкультурный институт. Но приехал числа десятого августа — и опоздал. Правда, я хитрый. Перед отъездом для подстраховки написал заявления во все театральные. Написал даже в Тбилиси. Потому что мне безумно понравился фильм «Георгий Саакадзе». Ответ получил только из Тбилиси. И там было написано, что они очень благодарны

Катя: «А эту мы назовем «лампочкой Дмитриевича!»»

мне, что желаю у них учиться, но, к сожалению, у них нет русского факультета. Ну, я и поехал в Москву. В физкультурный не попал, решил во ВГИК попробовать. Сын хозяйки, у которой я комнату снимал, — мы с ним на Дальнем Востоке познакомились, — решил показать мне, где этот институт находится. «А где это, Останкино?» Ну, конечно, Остан-КИНО! Пошел к директору... А я сбитый был такой, клеш носил. Посмотрел он на меня: «А кто вас вызывал?» — «Никто», — говорю. «А чего ж вы приехали?» — «Хочется». — «Хочется, хочется, всем хочется... Подавайте документы». Впоследствии я был на курсе, без лишнего хвастовства, одним из лучших.

— И, конечно, сразу начали сниматься?

— В те времена глупость была страшная во ВГИКе — студентам не разрешали сниматься. За это могли и от-

адром

числить. (Это уже после меня начали снимать чуть ли не с первого курса.) А мне разрешили официально. Вот и начал предпринимать попытки попасть на экран. Я потом жаловался Ромму: «Ну что ж я все пробуюсь, а мне говорят, что я на татарица похож...» — «Плюнь тому в лицо, кто это сказал. Русские — все немножко татары. В свое время хан Батый поштил здесь...» У матери моей глазки узкие, нос картошкой, а у отца нос курносый. От матери я взял глаза, а от отца — нос. Такой вот гибрид получился.

Тогда картин-то снималось всего восемь штук. И вдруг у нас на студии Горького, в штате которой я до сих пор нахожусь, возникла эта картина — «В степи», по повести Павленко «Степное солнце». Снимали одного артиста, он не очень понравился, и вдруг пригласили меня.

— Это была главная роль?

— Нет, но одна из основных. Роль секретаря горкома комсомола. Мне повезло — там снимались Бернес, Санаев, Телегина... Картин-то не было, поэтому актеры шли и на эпизод. Фильм снимался в Симферополе, а когда мы переехали в Ялту доснимать, произошла у меня интересная встреча: сидим мы как-то за столом, а директор картины мне и говорит: «Юр, познакомься, вот это его ты играешь». Сын полка, заболел на фронте туберкулезом, направлен был в Ялту на лечение и долго здесь работал секретарем горкома комсомола. «Павленко, — говорит, — списал с меня, я знаком с ним. А сейчас я просто директор гостиницы «Массандра».

Потом Герасимов пригласил меня на эпизод в фильме «Сельский врач» — и пошло, и пошло: «Доброе утро», «Педагогическая поэма», «Пути и судьбы», «Я вам пишу»... — я о-очень много снимался.

— А еще в фильме «Верные друзья» вы сыграли Сережу, влюбленного в тогда еще очень юную Людю Шагалову.

— Там незначительная роль была, но мне опять повезло, что я с тремя великими артистами работал — Чирковым, Борисовым, Меркурьевым. Каждый вечер Калатозов нас собирал, репетировал. Снимали в Ростове. Чирков и Борисов были народные СССР, а Меркурьев, великий артист, — только народный РСФСР. Он знаменит своими розыгрышами. Помню, как мы возвращались со съемок на поезде, а Чирков поехал с женой на своей машине. Мы договорились, если получится, по пути, в Харькове, встретиться. И перед самым Харьковом Меркурьев

«А ведь реклама не врет! Так лучше видно!»

«Папа, а ты можешь озвучить осень?»

уговаривает официантку: «Значит, так. Подносик маленький, сто граммов, огурец, кусочек хлеба. Вы Чиркова-то знаете? Вот он сейчас будет встречать нас, вы ему и поднесите, про нас не говорите, а мы поодаль будем идти». Подъехали. Она такая симпатичная, подносит ему: «Вот, просили». Он оглядывается, никого знакомых рядом нет. «К-как? Что?» Тут сзади и появляемся веселые Меркурьев, Борисов и я... Меркурьев еще и рыбак заядлый был. Раз с ним поехали на рыбалку, я поймал, а он ничего не поймал — так обиделся!

— Ваша жена — тоже артистка. На работе познакомились, наверно?

— Учились вместе. И все это началось со второго курса. Встречались, гуляли. В пятьдесят первом закончили институт. Я уже снимался в кино. А жил в центре Москвы, напротив Колонного зала, где Центральный детский театр, — снимал комнату у бабки. Умер Сталин. Утром пошел к гостинице «Москва», и когда оттуда вышел, то меня уже никуда не пропустили. Позвонил Верке, говорю: «Вер, я к тебе поеду». — «Ну, давай, приезжай». Четыре дня меня не пускали домой. И все эти четыре дня я у нее и провел. Вера жила на Метростроевской (теперь Остоженка. — Ред.). В одной комнате: мать, отец и она. Потом приехал брат, потом еще и я. Мир не без добрых людей — кто-то настучал, что вот тут ночует, а не прописан. Участковый приходил. Мы пошли и рядом, на Метростроевской же, и расписались. Был у нас горшок здоровый, в котором конфеты «Мишка на Севере» лежали, бутылочка винца какого-то. В это время стук в дверь. Участковый. «Простите, я вас предупреждал?» Вера достает паспорт: «А это что?» — «Поздравляю вас». Пить не стал — при исполнении... Так что Сталин виноват. С тех пор мы с Верой вместе. Если иногда ругаемся, она говорит, что это я на прописку польстил. А я Сталиным прикрываюсь.

— А вам вместе сниматься приходилось?

— Да, как-то мы играли в одном фильме. Картина называлась «Дом на Лесной». Я сейчас каждый день мимо этого места на Лесной улице хожу. Это знаменитый дом,

«Вера, Катя... Ну и, разумеется, Любовь!»

куда приехали грузины и основали подпольную типографию в 1905 году. Все кругом поносили, а этот дом, кирпичный, до сих пор стоит. Номер семь, кажется. Я играл хозяина дома, был такой купец Колупаев, а Вера — мою жену. Она как актриса оставила себе свою девичью фамилию Петрова.

У автора сценария Мдивани было написано, что Колупаев ничего не знал о типографии. И в финале — это я уже сам придумал, — когда его «компаньоны» уезжают, потому что революция погорела, герой, прощаясь, говорит, что очень приятно было вместе работать, а я ему отвечаю, что хорошие вы люди, приезжайте еще. А то, что было, останется между нами. Когда это увидели, то все глаза вылипли: «Такого же нет в сценарии!». А я: «Что же Колупаев — дурак? В подвале его дома типография, а он ничего о ней не знает, он же за это деньги получал». Мой экспромт решили оставить.

— Вы озвучили множество ролей. Как началась эта «закадровая» жизнь?

— Есть у меня приятель, режиссер Саша Курочкин, я у него снимался, а потом он перешел на дубляжи. Делал он их примерно шесть штук в год, и я восемнадцать лет подряд ездил к нему в Ялту, в любое время года. Где Саранцева найти? Если не в Москве, то на набережной в Ялте. Вера часто приезжала туда, и тоже дублировала — очень хорошо у нее получалось. И Катьку, дочку, с собой брали. Как-то она даже озвучивала с нами корейскую картину. Под большим впечатлением была. Однажды ночью в гостинице вдруг как заорет: «Скорей приходи-и-и!». Мы вскакиваем, а она объясняет нам, что это она репетирует.

— И все же, при всем впечатлении от киностудии, в актрисы Катя не пошла?

— Когда ей было лет пять или шесть, мать вдруг решила сделать из нее музыканта. Дело в том, что в четыре года она потрясающе точно пела «Песенку Фатаха» с очень трудной мелодией. Мы ей купили проигрыватель и набор пластинок Ван Клиберна. Катька ставила в каком-то месте Первый концерт Чайковского и всегда плакала. В Центральной музы-

«Хорошо бы всю жизнь только вверх!»

С Вячеславом Тихоновым на съемках «Призраков зеленой комнаты»

— Да, в последнее время ваш голос особенно часто стал звучать за кадром. Это что — зов сердца или просто возможность подзаработать?

— К сожалению, чтение текста за кадром — это сейчас основное мое занятие. И очень обидно, что ныне почти не осталось дубляжа. Я остался «последним из могикан», по сути дела. Из тех, с кем я работал, многих уже нет, а кто-то дисквалифицировался. Ведь мы теперь читаем с листа. Никаких предварительных просмотров. Дают текст — и ты дуешь. Это не то что при дубляже: пробы, картину смотрели — целое искусство. Синхронность надо было видеть, ритм чувствовать — «асский труд». Сегодня считают, что это и дорого, и долго. Все делают закадровый комментарий. Двух-трех человек используют. Сейчас с Карапетяном на НТВ мы так работаем над двадцатитрехсерийным фильмом «Самые громкие преступления XX века». На днях «Мегрэ» делал. На «моей совести» Люка, правая рука комиссара, и все остальные тоже. Недавно «комментировал» де Фюнеса — пять серий. Это сейчас основной заработок у нас.

— Приходилось кого-то из наших же актеров дублировать?

— Было такое. Наверное, самый знаменитый в этом смысле — фильм Гайдая «Двенадцать стульев». Гомиашвили, Остап Бендер, это ведь он моим голосом говорит. Приходилось слышать, что я его роль «исправил». Не знаю, по-моему, это выдающийся актер. Там, где прошел Арчил Гомиашвили, там Остапу Бендеру делать нечего.

— Получается, что зрителю больше известен ваш голос, чем кинороли.

— Вот это-то и обидно. Как-то вечером беру машину от Дома ветеранов, сажусь, а водитель мне и говорит: «Голос-то мне ваш как знаком!». А в лицо не узнает... Конечно, времени-то уже много прошло... А первые тридцать лет я снимался в хвост и в гриву. И даже в период малокартинья умудрялся работать. В свое время считал дубляж работой второго сорта. И, что греха таить, отчасти я был прав. По крайней мере, тогда. Мы учились, чтобы сниматься, играть самим, а озвучание было как межкартинный простой. Потом уже это стало основным трудом. Все в прошлом, а в настоящем у меня остался только закадровый комментарий. Хотелось бы сейчас на старости лет вернуться к тому, с чего начинал...

Нина Дмитриева
Фото Михаила Ключева

«Тайна корабельных часов»

кальной школе она оказалась лучшей ученицей. Получила Гран-при на знаменитом конкурсе в Монреале. Конечно, все домашние заботы ложились на Веру Петровну, и все Катькины проблемы, в основном, она решала.

— А стая кошек в доме — на чьем попечении?

— Да-да, полно кошек. Надо что-то с ними делать. Это ужас какой-то. Жена с дочкой — обе кошатницы. У нас три сиамских и одна трущобная. Ее Катька привела откуда-то. «Ой, кошечка за мной идет!» Как кошка за кем-то из них пойдет, так волокут домой. Ну что же это такое! Вот этих зверят-то они как раз на меня бросают, приходится им еду покупать — жалко все-таки, они же мяукают... Но привязываешься к ним, хотя и время на них тратишь.

— Его не хватает, времени?

— Сейчас оно бывает, даже много. Когда жил около Коломенского, любил там гулять. В церковь заходил. Я не верующий, хотя крещеный. Люблю ритуалы церковные. Когда бывал в Ялте, приходил в церковь музыку послушать. Там ребята из филармонии пели, голоса замечательные. Люблю читать, к приятелям заглянуть, поболтать... Но иногда и по выходным приходится очень напряженно работать.

Натюрморт «Наша молодость»

